

ДЖАТАКА О ТИГРИЦЕ

Наш Владыка еще в прежних рожденьях всей своей сущностью был исполнен безграничной и бескорыстной любви ко всему живому; он жил душою в каждом существе. Поэтому мы должны быть проникнуты величайшею верою во владыку Будду. Вот как повествуется о следующем подвиге, совершенном Владыкой в его прежнем рожденье, подвиге, восхваляемом моим учителем, почитателем трех сокровищ¹, достигшим всеобщего высокого уважения своим глубоким изучением добродетели и любви своего учителя - своей высокодобродетельной жизнью.

Владыка наш, будучи еще бодхисаттвой, в соответствии со своим высочайшим обетом, осыпал мир излияниями своего сострадания: дарами, добрыми словами, помощью и другими безупречными деяниями, проявлениями своей проникновенной мудрости. Он принял рождение в великом, высоковыдающемся брахманском роде, отличавшемся чистотою жизни вследствие преданности своим религиозным обязанностям. Очищенный надлежащим образом джатакарманом² и другими священными обрядами, он вырос и благодаря природной живости ума, превосходной помощи в занятиях³, своему высокому рвению к знанию и усердию очень быстро достиг степени учителя в восемнадцати областях знания⁴ и во всех искусствах, которые соответствовали традициям его благородного рода.

1. Был чтим он брахманами как само священное писанье, а кшатриями - словно царь их⁵; для народа был он словно бог тысячеглазый⁶, для тех, кто к знанию стремился, - благодетелем-отцом. Благодаря своей чрезвычайно счастливой судьбе он достиг поразительной славы, почестей и богатства. Но Бодхисаттва, ум которого был погружен в изучение святого закона, познавший отречение от мира, не наслаждался этими благами.

2. Разум его был прежней жизнью просветлен, он видел в наслаждениях земных источник многих зол и потому, покинув [жизнь] домохозяина ашрама⁷, словно она была болезнью, своим присутствием возвышенность лесистую украсил.

3. И там своею отрешенностью, спокойствием души, столь просветленной мудростью глубокой, он словно наставлял народ, который из привязанности к злым делам утратил добродетели спокойствие.

4. Спокойствие, проникнутое дружеской приязнью ко всему живому, казалось, изливалось из него и находило доступ в сердца зверей лесных; словно отшельники-аскеты, там жили звери хищные, забыв взаимную вражду.

5. Своею жизнью добродетельной, и чистотою чувств, удовлетворенностью, и состраданием достиг того он, что даже незнакомым людям, живущим в мире, дорог стал, равно как и весь мир был дорог для него.

6. От скромности его желаний зависть была неведома ему: он был свободен от стремлений к наслаждению, выгоде и славе, сердца самих богов склонил он к поклонению и вере.

7. Услышав, что он сделался отшельником-монахом, люди, сердца которых привлекли к нему его высокие достоинства, оставив семьи и родных, к нему стекались и, как спасенья, добивались счастья сделаться его учениками.

8. По мере сил своих учил учеников он поведению доброму и целомудрию, обузданью чувств своих, средоточению вниманья, удалению от мира, а также углубленным размышлениям о дружелюбии и прочем⁸.

Однажды, когда большинство его учеников, число которых очень возросло, было наставлено им на прекрасную стезю спасения и достигло уже совершенства; когда народ был направлен им на благой путь отречения от мира; когда врата погибели были как бы закрыты и, напротив, путь к блаженству словно превратился в широкую царскую дорогу, Великосущный гулял в сопровождении Аджиты, своего тогдашнего ученика, среди поросших кустарником горных пещер, столь располагающих к созерцанию, желая насладиться существующим порядком вещей.

9. И увидел он в пещере горной тигрицу молодую, которая пришла в изнеможенье полное от мук родильных и двигаться была не в силах.

10. От голода се глаза ввалились, бока запали у нее глубоко; и даже на своих столь маленьких детенышей она смотрела как на пищу.

11. И с жаждой молока ее сосцов к ней приближались дети, доверчиво, без страха, как к матери, - она же, как врагам, грозила им раскатами ужаснейшего рева.

12. Бодхисаттва, увидав ее, как ни был тверд он духом, от сострадания в великой скорби задрожал, как от землетрясения дрожит царь гор⁹.

13. Какое это чудо, что милосердные душой, способные твердость полную хранить в страданиях великих личных дрожат при виде самых незначительных страданий ближних!

И Бодхисаттва, в волненье повторяя слова, тут обратился к своему ученику с такою речью, проникнутой великим состраданьем и проявившей чудесное величие его природы:

"Милый! Милый!

14. Смотри, как лишена достоинств всех сансара¹⁰! Животное ведь это от голода готово съесть и собственных детей, закон любви тем преступая!

15. Увы! О сколь ужасна себялюбия жестокость, из-за которой даже мать своих детей пожрать готова!

16. Да как же можно воспитать врага такого, как себялюбие, если из-за него мы можем сделать шаг к подобным действиям?

Дойди ж скорей и поищи где-нибудь что-либо, чем утолить ей муки голода прежде, чем она успеет погубить своих детей и самое себя. Я в это время постараюсь удержать ее безумного поступка". И тотчас же тот ученик послушно отправился на поиски пищи. А Бодхисаттва, под этим предлогом отослав ученика, так стал размышлять:

17. "Зачем искать мне мяса у кого-нибудь другого, если мое все тело пригодно для этой цели? Удастся ли ему добыть что-либо, от случая зависит, а я возможность потеряю долг исполнить свой. К тому же:

18. Ведь бренно, тленно и бессильно наше тело; оно является источником страданий, оно неблагодарно и всегда нечисто. И кто не рад его употребить на благо ближних, тот не достоин называться мудрым.

19. Мы можем мимо проходить и не заметить ближнего страданий, либо когда привязаны мы слишком к наслаждениям личным, либо когда нет сил помочь. Но не могу я счастлив быть, когда страдает ближний; и, если у меня возможность есть помочь, зачем стою я равнодушно?

20. Когда бы равнодушным я остался к горю даже злодея, погруженного в страдания, меж тем как у меня была б возможность облегчить их, то по свершении такого злодеянья огнем великим бы горело мое сердце, как сухой кустарник!

21. И потому падением с утеса лишу я жизни свое ничтожнейшее тело; и тем от пожирания детей тигрицу я избавлю, а детей - от матери голодной. И более того:

22. Примером будет то для всех, кто жаждет блага мира, и поощрением пламенным для слабосильных; радостью для тех, кто сам способен на великие жертвы; для благородных сердцем же - призывом увлекательным.

23. Это вызовет уныние огромных полчищ Мары¹¹ и радость светлую у тех, кто добродетель Будды любит; то будет посрамлением всех погрязнувших в делах своекорыстных, себе несущих гибель себялюбием и вождельем.

24. Поднимет это веру приверженцев лучшей колесницы¹² и в изумление повергнет тех, кто глумится над самоотверженностью; расчистит путь широкий к небу на радость тем, кто сам стремится к самоотречению.

25. "Когда же я смогу принести добро какое-либо ближним и телом собственным моим?" - таково страстное мое желанье было; и вот теперь столь близко осуществление его и достижение совершенной мудрости. К тому же:

26. Если истинно то, что решение мое проистекает не из самолюбия, не из желанья славы, не из стремления достигнуть неба иль земного царства и не из жажды вечного блаженства для себя, а только из стремленья к благу ближних¹³,

27. То пусть чрез это у меня не иссякает сила в одно и то же время уничтожать страдания мира и счастье давать ему, подобно солнцу, что рассеивает тьму и миру свет дарует!

28. Войду в преданья я и обо мне рассказывать повсюду будут, когда увидят добродетели мои; творить я вечно буду благо миру и к счастью вести его".

29. Решив так, он радости исполнился, что и кончиною своей он может ближним благо принести, и, тело бросив вниз, привел тем в изумление даже спокойные сердца богов.

Шум от падения тела Бодхисаттвы возбудил любопытство и гнев тигрицы, и она, перестав думать об умерщвлении своих детей, стала озираться по сторонам. Увидев бездыханное тело Бодхисаттвы, она быстро подскочила к нему и стала его пожирать.

Когда же ученик его, так и вернувшийся без мяса, не видя своего учителя, стал озираться кругом, он увидел бездыханное тело Бодхисаттвы, которое пожирала молодая тигрица. И хотя он был поражен великой горестью и скорбью, однако удивление перед величием необычайного подвига оттеснило эти чувства и выразилось в следующих прекрасных словах, которые как бы сами излились из его души, проникнутой преклонением перед добродетелями учителя:

30. "О сострадание великое к погрязшему в пороках миру! Сколь поразительно Великосущного пренебрежение к благу своему! О твердость добродетельных, достигшая в нем высочайшей степени, разрушившая славу громкую его врагов!

31. Как мягок от природы он и в то же время стоек, любовь, страха лишенная, которой вся основа-добродетель! О сколь высокого почтения достойно его тело, и до того великое своими добродетелями!

32. Как мягок от природы он и в то же время стоек, как земля! Не мог спокойно видеть он страданий ближних! Увы, как ясно видна в этом совершенном блеске его душевной силы моя грубость.

33. Отныне мир оплакивать не должно, нашедший в покровителе таком опору твердую. Теперь Манматха¹⁴, верно, вздохи испускает, обеспокоенный боязнью поражения своего!

Да преклонимся мы перед этим Великоблаженным, защитником всего живого, исполненным всеобъемлющего сострадания, несравненным, ставшим Бодхисаттвой ради живых существ". Потом он поведал о случившемся своим соученикам.

34. Тогда его ученики, лица которых просияли изумлением пред подвигом его, а также и гандхарвы¹⁵, якши¹⁶, наги¹⁷ и цари богов покрыли землю, на которой кости драгоценные его покоились, венками, украшениями, одеждами, дождем из порошка сандала...

Таким образом, еще в прежних своих рожденьях. Владыка наш всей своей сущностью был исполнен безграничной и бескорыстной любви ко всему живому; он жил душой в каждом существе. Поэтому мы должны быть проникнуты великой верой во владыку Будду. ["И родившаяся в нас вера во владыку Будду должна в нас пробудить величайшую радость; ибо таким образом мы как должно исправляем свою веру",- с этими словами должно нам предлагать этот рассказ. Точно так же следует с благоговением слушать святой закон, так как он достался нам лишь благодаря свершению сотен трудных подвигов. Также и в проповеди о сострадании должно сказать: "Сострадание, побуждающее нас к деяниям на благо ближних, способно проявить дивное величие нравственной сущности".] ¹⁸

Примечания

1 Три сокровища буддизма - Будда, его учение (дхарма) и религиозная община (сангха).

2 Джатакарман - обряд, совершаемый при рождении ребенка и заключающийся в том, что ему трижды смазывают язык топленным маслом, читая при этом соответствующие молитвы.

3 "...Превосходной помощи в занятиях..." - имеется в виду помощь со стороны родителей и лучших наставников.

4 Восемнадцать областей знания включают в себя четыре Веды, шесть Веданг (см. прим. VII, 1), четыре Упаведы, пурны (эпические поэмы космогонического содержания), ятихаса (предания), ньяя (наука о правильном рассуждении) и миманса (философская система, занимающаяся интерпретацией ведического ритуала и текста).

5 Слово брахман, кроме данного в переводе значения "Веды", "священные тексты" также имеет значение "мировая душа, первичная реальность". Таким образом, эту строку можно также перевести:

"Он был чтим знатоками брахмана как сам брахман, а царями - как царь [царей]".

6 Бог тысячеглазый - эпитет Индры, бога неба, повелителя грома и молний в индуизме, слившегося в буддизме с Шакрой - владыкой второго божественного мира, называемого Траястринша.

7 Домохозяин ашрама - вторая ступень жизни брахмана, когда он живет в доме, являясь главой семьи и выполняя обычные обязанности брахмана. Согласно установлениям индуизма, жизнь брахмана делилась на четыре ступени, так называемые ашрамы:

первая - ученичество, когда брахман изучал Веды и соблюдал обет воздержания, вторая - состояние домохозяина, третья - жизнь отшельника в лесу, посвященная религиозным упражнениям и размышлениям, и четвертая - жизнь странствующего монаха, живущего подаянием, аскета, отрешившегося от всех страстей и привязанностей.

8 "...О дружелюбии и прочем..." - речь идет о четырех "безграничных, неизмеримых созерцаниях", положительных состояниях психики, называемых также брахмавихара - "высочайшие, божественные состояния, возвышенные настроения", а именно: доброжелательность, дружелюбие, альтруистическая радость, сострадание и беспристрастие, которые достигаются созерцанием и составляют одновременно его содержание. Объектом этих созерцаний являются все живые существа.

9 Царь гор - Сумеру или Меру - мифическая золотая гора, центр мира, от которой расходятся, как лепестки лотоса, мифические континенты (четыре или семь), омываемые соответственно четырьмя или семью мифическими океанами.

10 Сансара - непрерывная цепь перерождений живых существ, источник страдания, от которого, согласно буддизму, можно освободиться, познав истинное учение и достигнув нирваны.

11 Мара - олицетворение греха, соблазна, вождения, дурных страстей и привязанностей, дьявол в буддизме; в легендах выступает как мифическое существо, злой дух, мешающий Будде и его последователям идти по пути к просветлению. Войско Мары изображается в легендах как состоящее из десяти частей, каждую из которых Будда обратил в бегство одним из своих совершенных качеств - парамит.

12 Лучшая колесница, или "лучший путь" - путь бодхисаттвы, преисполненного любви и милосердия к страдающему миру, идеал маха-яны, в отличие от узкоэгоистического пути архата, достигающего просветления только ради себя самого, идеала хинаяны (см. также прим. III, 5).

13 "...Из стремленья к благу ближних"-. Можно перевести также "достижение высшей цели". Очевидно, автор "Гирлянды джатак" имел в виду оба значения, ибо для бодхисаттвы высшей целью является благо ближних.

14 Манматха - "волнующий душу", один из эпитетов бога любви Камы, слившегося в буддизме с Марой.

15 Гандхарвы - название класса низших божеств, первоначально лесных божеств, позже небесных музыкантов и виночерпиев богов; по буддийской мифологии, они обитают в низшем из шести божественных миров - небе четырех охранителей мира.

16 Якши - полубожества, выступавшие иногда благожелательными, иногда враждебными к людям; индийцы верили, что они могут по желанию принимать любой облик. В буддизме рассматривались как один из классов живых существ, рождение в котором зависит от деяний прошлой жизни; они могут воспринимать учение Будды и достигать нирваны.

17 Наги - "змеи", мифические существа, наделенные большой силой и чудесными способностями, обитающие под горой Меру. Их представляли в виде полузмей-полулюдей. Наги играют большую роль в буддийских легендах.

18 В квадратные скобки заключены концовки джатак, являющиеся более поздними добавлениями. Они содержат рассуждения о том, по поводу какого положения буддийской этики морали следует излагать ту или иную джатаку, и являются, очевидно, замечаниями переписчиков.